

Глава 32. Ночной рынок города Жу сияет, словно день

— У меня есть меч, — неожиданно произнёс Цю Бодэн.

— А?

Чжоу Цзыянь замер, не в силах понять, как разговор перескочил на эту тему.

— Не стоит использовать какое-то старьё в качестве сердца формации. Ты кого не уважаешь — небеса или город Жу? — Цю Бодэн поднялся и, пройдя мимо ошеломлённого Чжоу Цзыяня, добавил: — Хочешь принести жертву небесам — попроси мой меч.

Юноша в красном вышел за дверь и раскрыл промасленный бумажный зонт.

— Конечно, одолжу я его или нет — будет зависеть от моего настроения.

Зонт раздвинул пелену дождя, и Цю Бодэн, удаляясь по галерее, растворился в глубине туманной дымки. Лишь его последняя, небрежно брошенная фраза ещё не была смыта дождём.

Чжоу Цзыянь остался стоять в павильоне на воде, не зная, смеяться ему или плакать.

Сначала предлагает одолжить меч, а потом заявляет, что всё зависит от его настроения. Неужели этот маленький предок-наставник школы Тайи не видит в своих словах противоречия?

— Как же хочется съездить в школу Тайи и посмотреть, — тихо проговорил Чжоу Цзыянь, обращаясь к рыбе жу, — как они умудрились вырастить такого маленького предка... Должно быть, очень интересная школа, да?

Рыба жу проплыла мимо, озарив его руку слабым радужным светом.

Словно в детстве, его за руку держала мать.

— Мама, это ты? — тихо спросил Чжоу Цзыянь. — И ты, отец?

Алые рыбы жу кружили в воде.

Молодой и прекрасный городской оракул смотрел вслед удаляющемуся Цю Бодэну. Выражение его лица неуловимо напоминало то, что появлялось в детстве, когда, столкнувшись с трудным выбором, он в нерешительности искал поддержки во взглядах родителей: одного взгляда отца, одной улыбки матери. Прошло столько времени, а некоторые картины оставались ясными, словно всё было вчера.

— Я... я...

«Я не знаю, прав я или нет.

Я скучаю по вам».

— Цзыянь, Цзыянь! — раздался звонкий голосок, и в павильон вбежала маленькая жрица. — Старейшина Тао велел тебе прийти, говорит, хочет проверить, сколько ты ещё помнишь из того, чему тебя учили! — Последнюю фразу она произнесла, на три-четыре тона подражая угрюмому и недружелюбному голосу старейшины Тао. Её большие глаза при этом сощурились в полумесяцы, и было очевидно, что она злорадствует. — Цзыянь, Цзыянь, а если ты всё забыл, тебя что, палками побьют?

— Ты думаешь, я — это ты? — Чжоу Цзыянь, сохраняя невозмутимый вид, обернулся и щёлкнул её по лбу. — Ты мне напомнила, что нужно проверить твоё знание «Классических произведений». Если опять будешь жульничать со шпаргалками, как в прошлый раз, береги руки.

— О-о-о, — протянула малышка, очень недовольная.

— Злой Цзыянь.

— Хочешь переписывать вдвойне?

— Злой Цзыянь, злой Цзыянь, злой Цзыянь!

— ...

Взрослый и ребёнок постепенно удалялись, а алые рыбы жу, то слева, то справа, плыли рядом с ними.

Улицы города Жу были усеяны лавками, куда более многочисленными, чем в городе Фу.

Больше всего было магазинов с тканями и шёлком, сосредоточенных в основном на улице Пань. В руках жителей города Жу алый узорчатый шёлк и красные ткани преобразались до неузнаваемости: их складывали в стопки, шили из них одежду и тенты, вышивали на них узоры, делали фонари и мешочки. Чего только не придумывали, изоцряясь в сочетаниях цветов: серебристо-красный с чёрными чернилами, алый с золотой каймой, карминный с гранатовым, мареновый с персиковым... На свету всё это переливалось и играло красками.

— Гребни продаю! Гребни! Бабушка Ху сама делала, бусины вручную нанизывала! Круглые, как ясная луна, блестящие, как изогнутый крюк, золотистые, как...

— Свежесрезанные цветочки, из воска сделанные, точь-в-точь живые! Живые цветочки!

— Ножи-ножницы точу!

— ...

Крики торговцев не умолкали. У жителей города Жу был мягкий, певучий говор, и, зазывая покупателей, они растягивали окончания слов, отчего их речь напоминала пение.

Цю Бодэн, держа зонт, шёл не спеша, то и дело останавливаясь.

Лавочники, видя его с зонтом, понимали, что он не местный, и зазывали особенно настойчиво. Цю Бодэн тратил деньги с такой щедростью, что это можно было назвать мотовством. Он проходил мимо одного прилавка за другим и, увидев что-то приглянувшееся, тут же бросал слиток золота или серебра, даже не дожидаясь, пока торговцы, суетясь, отсчитают сдачу. Забрав вещь, он тут же уходил.

— Ай-яй-яй! Пяти взней хватит! Пяти!

Старушка с больными ногами, сидевшая у своего прилавка с гребнями, испуганно замахала руками. Щедрый юноша её напугал, и она ни за что не хотела брать столько денег.

Конечно, на её прилавке были не настоящие бусины из лунного света и не кольца из драгоценных металлов, да и нефрит был не настоящий, а особый камень, который простые люди, не имевшие средств на настоящий, полировали и называли «второсортным нефритом». Материалы, из которых были сделаны гребни, шпильки и заколки, для человека вроде Цю Бодэна были до смешного грубыми, но мастерство старушки было безупречным. Каждая вещь, большая или маленькая, была сделана с невероятной тщательностью, с тонкой резьбой и узорами. Проходя мимо, Цю Бодэн заметил на прилавке ленту для волос с чёрными камнями и изящной вышивкой и решил её купить.

Цю Бодэн, не обращая на неё внимания, с зонтом пошёл дальше.

— Эй, эй, подожди! — кричала ему вслед старушка, но юноша в красном уже растворился в толпе.

На другом конце улицы Пань.

Лу Цзин, словно деревенский дурачок, с любопытством пялился то на одно, то на другое. А Цзо Юэшэн, засучив рукава, торговался сразу с тремя лавочниками, до хрипоты споря из-за одного медного вэня.

— Скиньте ещё вэнь, и когда я вернусь, продам эти штуки своим старшим и младшим братьям и упомяну вашу лавку Чэнь! — брызжа слюной, вещал Цзо Юэшэн. — Тогда у вас будет «реклама», и люди со всей области Цин, покупая плетёные клетки, будут знать только вашу лавку Чэнь. Я же вам бесплатно делаю... как это... маркетинг! По-хорошему, это вы мне должны платить, а не я вам. А вы мне даже вэнь уступить не хотите, несправедливо!

«Тебе ли говорить о справедливости?» — подумал Лу Цзин, едва не закатив глаза к небу.

— Нет! Где это видано, так торговаться из-за плетёной клетки? И что ещё за «реклама»? Никогда не слышал, — не уступал торговец.

Что за «реклама»? Наверняка Цзо Юэшэн снова нахватался словечек у Цю Бодэна. За последние дни они оба узнали от него много нового. Правда, направления их обучения сильно различались: Цзо Юэшэн освоил всякие «массовая психология», «дефицитный маркетинг», «стадный эффект», а Лу Цзин — «злодей», «получить по лицу», «пушечное мясо»... Как говорил Лоу Цзян: «Хорошему не научатся, а плохое подхватывают на лету».

После долгой словесной перепалки Цзо Юэшэн наконец договорился с тремя торговцами. Каждый уступил по одному вэню, но с условием, что Цзо Юэшэн выкупит у них весь товар.

Как только сделка была заключена, Цзо Юэшэн просиял, мысленно подсчитывая барыши.

Он купил изящные маленькие плетёные клетки в форме рыб жу. Практической пользы от них не было, и для совершенствования они были бесполезны, но такие вещицы, как и косметика, всегда пользовались спросом у щедрых заклинательниц... особенно с местным колоритом. Он был уверен, что дома они пойдут нарасхват.

Цзо Юэшэн уже придумал, как применить усвоенный от Цю Бодэна «дефицитный маркетинг», чтобы продать их втридорога.

Пока он расплывался в улыбке, Лу Цзин изо всех сил дёрнул его за воротник:

— Толстяк Цзо, толстяк Цзо, смотри, смотри! Цю Бодэн там!

— Ну и пусть там, — буркнул Цзо Юэшэн.

Лу Цзин силой развернул его:

— Нет, ты посмотри на него, он какой-то... какой-то...

Цзо Юэшэн обернулся и увидел Цю Бодэна, идущего под зонтом под дождём. В толпе его фигура то появлялась, то исчезала. Он шёл от одного прилавка к другому, соря деньгами, одинокий и печальный.

— Что с ним? — тихо спросил Лу Цзин.

— Пошли! — Цзо Юэшэн проворно убрал покупки в сумку из горчичного семени и хлопнул Лу Цзина по плечу. — Какая разница, что с ним! Пойдём, напоим его!

В таверне.

— Ласточки, я ставлю на большое... — бормотал мертвецки пьяный Лу Цзин, обнимая ножку стола. — Я... я отыграюсь! Цю и толстяк Цзо, ждите! Ждите...

— Может, у него хоть манеры в пьяном виде будут получше? — спросил Цю Бодэн, у которого от злости дёргался висок. — Давайте бросим его в воду!

— Боюсь, и это не поможет, — усмехнулся Цзо Юэшэн.

Пил Лу Цзин неплохо, но в пьяном виде вёл себя отвратительно, превращаясь в настоящего дурака, который к тому же говорил всякие гадости, вредя и себе, и другим. Обычно Цю Бодэн и Цзо Юэшэн пользовались этим, чтобы подпоить его и разыграть, но напиваться с ним на людях было стыдно.

Они собирались после выпивки заглянуть в башню Юйлян, но теперь, когда Лу Цзин был в таком состоянии, какие могли быть прогулки.

— Ладно, ладно, — Цю Бодэн потёр виски, — возвращаемся.

— А с этим что делать? — Цзо Юэшэн указал на Лу Цзина, который начал грызть ножку стола. — Чёрт, в прошлый раз, когда я его тащил, он меня всего облевал. Больше я его не понесу.

— Хм...

Цю Бодэн задумался.

— Не желают ли господа, чтобы смиренный монах помог этому господину? — из-за занавески,

разделявшей места в таверне, высунулась блестящая лысая голова. Монах Буду с самым серьёзным видом спросил: — У смиренного монаха есть «Канон блеска двора», который может пробудить мир и спасти людей. Всего сто серебряных.

Цзо Юэшэн даже глазом не моргнул:

— Спасай свои сны.

— Хорошо, — неожиданно согласился Цю Бодэн.

Цзо Юэшэн повернулся к нему, думая: «Не может быть, Цю Бодэну же этот лысый не нравится? С чего такая щедрость?» Не успел он удивиться, как Цю Бодэн перешагнул через низкий столик, присел рядом с Лу Цзином, молниеносным движением снял с его пояса кошелёк, подбросил его на руке, вытащил несколько слитков золота и бросил их монаху Буду.

— Благодетель Цю воистину щедр!

Монах Буду тут же просиял и, откинув занавеску, вошёл.

Войдя, он принёс с собой запах алкоголя. Цзо Юэшэн, почувствовав его, невольно скривился:

— Школа Будды что, ослепла? Выбрать тебя, пьяницу и обжору, Сыном Будды.

— Ах, господин Цзо, вы снова судите по внешности, — монах Буду был очень добродушен, или, скорее, ко всем богатым «судьбоносным встречам» он относился с буддийским состраданием. — Как говорится: «Будда в сердце сидит, а вино и мясо через чрево проходят». Мой Будда стремится к великому делу спасения мира, к великому состраданию, а не к таким мелочам. К тому же, такой ночной рынок в городе Жу — редкость. Конечно, смиренный монах должен им насладиться. Упустить такую возможность было бы жаль.

— Редкость?

Цю Бодэн отодвинул марлевую занавеску. Ветер донёс с улицы крики торговцев, которые смешивались с гулом азартных игр в таверне, создавая шумную и оживлённую атмосферу.

— Город Жу ведь большой? Разве ночные рынки здесь не обычное дело?

— Господин Цю забыл? — сказал монах Буду. — Когда мы только приехали, в городе Жу был сезон спящей рыбы. Ночной рынок бывает только во время пробуждения божественных рыб жу. Вы, господа, здесь не живёте и не можете часто бывать. Встретить такое раннее пробуждение рыб жу и открытие рынка — это ли не редкость? К тому же, в честь пробуждения божественных рыб, сегодняшний ночной рынок гораздо оживлённее обычного.

— И то верно...

Цзо Юэшэн прижался к оконной раме, глядя на улицы, где люди и рыбы плавали вместе. Он подумал, что после небесного жертвоприношения им придётся уехать, и на душе стало немного тоскливо.

Хотя между городами и существовали телепортационные формации, они были не так уж удобны.

Область Цин была огромна. Телепортационная формация города Жу могла перенести их лишь в окрестности главного павильона Гор и Морей на юго-востоке области, а оттуда ещё предстояло добираться на летающей лодке. Если не обладать высоким уровнем совершенствования, позволяющим свободно перемещаться в тумане миазмов, вернуться в эти места было бы непросто. К тому же, с их статусом, они не всегда могли сами решать, куда им отправляться.

— Матушка права, надо больше путешествовать.

После того как монах Буду прочёл над ним дорогостоящую сутру для отрезвления, Лу Цзин тоже очнулся и, подойдя к окну, присоединился к ним.

— Иначе и не узнаешь, сколько в мире прекрасных, но безвестных мест... Я раньше никогда не слышал о городе Жу и не знал, что он такой красивый.

— Безвестных? — усмехнулся монах Буду. — Это не совсем так. Город Жу когда-то чуть было не прославился на все двенадцать континентов.

— А? — удивился Лу Цзин, и трое у окна разом обернулись к монаху.

Монах Буду как раз тайком прихватил их вино. Пойманный с поличным, он замер, а затем быстро спросил у Цзо Юэшэна:

— Господин Цзо, вы же молодой господин павильона Гор и Морей, неужели не знаете об этом?

— Какой я к чёрту молодой господин, — пробормотал Цзо Юэшэн. — И что за «это» да «то»? Лысый, раз уж выпил, говори, что знаешь, хватит интриговать.

— Это тайна, — серьёзно сказал монах Буду. — Так что, господин Цзо, не одолжите ли вы мне свой «Тихий мир»?

— Ещё чего! — чуть не подпрыгнул Цзо Юэшэн. — Чёрт, ты, мошенник, хватит зариться на мой «Тихий мир».

— Бутылка вина — двадцать лянов серебра, — Цю Бодэн опустил занавеску на окне, — не забудь заплатить.

Монах Буду, только что спрятавший вино под рясу, огляделся по сторонам:

— Но здесь же таверна, много ушей...

Цзо Юэшэн достал камень, запечатанный формацией «Тишина», и, активировав барьер, крепко сжал его в руке.

— Ладно, монах, говори.

— Дайте-ка подумать, сколько лет назад это было... А, не помню. В общем, раньше у великого клана Тайюй был молодой господин. Этот молодой господин клана Тайюй родился с божественными костями и, говорят, мог чувствовать связь с десятью солнцами дерева Фусан. В будущем он непременно стал бы великим вождём, пастырем небес, — монах Буду, усевшись, принялся жадно поглощать оставшиеся на столе блюда, но, как ни странно, даже с набитым ртом говорил отчётливо. Впрочем, его манеры наводили на мысль, что вся эта история была затеяна лишь ради того, чтобы поесть и выпить за чужой счёт.

— Клан Тайюй?

Лу Цзин и Цзо Юэшэн одновременно нахмурились.

Хотя все Сто кланов были потомками древних богов, они делились на большие и малые, сильные и слабые. Клан Тайюй был главой Ста кланов — и самым ярким критиком школ бессмертных. Объективно говоря, сила клана Тайюй была такова, что он мог в одиночку соперничать с менее могущественными школами бессмертных.

Поставить клан Тайюй и город Жу рядом было всё равно что сравнить солнце и светлячка.

Трудно было представить, что между ними могла быть какая-то связь.

— А потом этого будущего пастыря небес с божественными костями убили люди из города Жу.

Монах Буду откусил от куриной ножки, одним движением сорвал всё мясо, проглотил его и, сплюнув на пол чистую кость, сказал:

— Э-э-э? — Лу Цзин вытаращил глаза. — Почему я об этом не слышал?

— Потому и тайна, — сказал монах Буду, принимаясь за оставшуюся половину «нищего

цыплёнка». — Молодой господин клана Тайюй однажды, повинувшись внезапному порыву, сбежал из клана и отправился путешествовать. Путешествуя, он добрался до города Жу. И там он сделал одну вещь...

— Какую?

Монах Буду икнул от сытости:

— Он убил рыбу жу.

— Что?!

Цзо Юэшэн и Лу Цзин вскрикнули одновременно.

Цю Бодэн слегка повернул голову.

— В общем, высокомерный молодой господин убил рыбу жу. После убийства он сказал: «Эту рыбу я покупаю за сто тысяч лянов золота. Эй, кто-нибудь, почистите чешую и сварите мне суп». Жители города Жу окружили его, но он, полагаясь на свои божественные артефакты, прорвался к городским воротам, не забыв прихватить с собой убитую рыбу, — монах Буду рвал мясо с кости. — Говорят, он пришёл в город Жу, чтобы попробовать, вкусная ли здесь рыба жу.

— Да я бы ему самому голову откусил! — выругался Лу Цзин, ударив по столу.

— Ты опоздал, — сказал монах Буду. — Не то что головы, от него и ребра не осталось.

Монах поставил на стол чистую куриную кость, придавил её пальцем и с силой нажал. Кость рассыпалась в пыль.

— Едва небесная колесница с драконьими конями клана Тайюй подъехала к воротам, как из тени ворот вылетел луч меча и отсек ему голову... Когда люди клана Тайюй прибыли в город Жу, от их молодого господина уже и следа не осталось — мясо содрано, кости измельчены.

Цзо Юэшэн и Лу Цзин одобрительно захлопали и спросили, кто это сделал.

— Этого смиренный монах не знает, — развёл руками монах Буду. — Клан Тайюй потребовал от города Жу выдать убийцу, но получил отказ. Они чуть было не пошли войной на город, но, к счастью, вмешался ваш Павильон Гор и Морей и остановил их. А кто убил молодого господина клана Тайюй, если даже вы, господин Цзо, не знаете, то куда уж мне.

— Мне кажется, ты очень хорошо знаком с рыбами жу, — вдруг спросил Цю Бодэн.

Монах Буду ткнул пальцем в стол, а затем поспешно рассмеялся:

— Смиранный монах немного разбирается в богатствах разных областей, вот и наслышан. Кстати, господа, не пора ли нам возвращаться? Завтрашнее небесное жертвоприношение начнётся рано, а это большое событие, неужели вы не хотите посмотреть?

Лу Цзин всё ещё рассеянно думал о том, кто же ждал у ворот, чтобы нанести тот удар мечом. Очнувшись, он увидел, что остальные уже у дверей таверны.

— Эй, эй, подождите меня!

Крича, он бросился за ними.

— Свежесрезанные цветочки, из воска сделанные, точь-в-точь живые! Живые цветочки!

— Гребни продаю! Гребни! Бабушка Ху сама делала, бусины вручную нанизывала!

— ...

Четверо стояли у дверей таверны, глядя на великолепную, как картина, ночную улицу города Жу.

По улице, лишённой фонарей, плыли алые рыбы жу, озаряя всё вокруг волшебным светом.

Огромные, как киты, рыбы жу проплывали над улицей, словно закатные облака, а на их спинах сидели дети с сахарными яблоками в руках. Дети смеялись, а некоторые, самые озорные, съезжали по спинам рыб, и те подбрасывали их хвостами, возвращая обратно. Маленькие рыбки стайками сновали между прилавками.

Все жители города Жу, стояли ли они, сидели или шли, всегда были окружены двумя-тремя плывущими рыбами.

Цю Бодэн вспомнил ритуал «Возвращения в воду», вспомнил слова Чжоу Цзыяня о том, что жители города Жу — это плывущие рыбы, а смерть — лишь возвращение в стаю... Они никогда не расстанутся. Каждый раз, оборачиваясь и видя рыб жу, жители города Жу знали, что те, кого они любят и кто любит их, всегда рядом.

Это город Жу.

Город людей и рыб.

Тот, кто в ту ночь ждал в тени ворот, должно быть, был переполнен безграничным гневом и жаждой убийства.

Их боги, их родные, их друзья, их дом — всё это было упомянуто с таким презрением, так небрежно, стало в чьих-то устах всего лишь «почистить чешую и сварить суп».

— На его месте я бы тоже до смерти бился, но убил бы эту тварь, — сказал Лу Цзин, глядя, как мимо проплывает алая рыба жу.

— И я тоже, — сказал Цзо Юэшэн.

— Амитабха, — сложил руки монах Буду.

— Угу, — кивнул Цю Бодэн. — Пошли.

Четверо пошли по улице, под морозящим дождём.

Никто не взял зонт, они, как и жители города Жу, шли под дождём.

Пройдя немного, Цзо Юэшэн выругался:

— Чёрт! Кто-нибудь вернётся за зонтами? Чёрт, до чего же холодный дождь.

— Ты, ты иди, — сказал Лу Цзин, ёжась. — Быстрее, быстрее.

— ...Почему я? — возмутился Цзо Юэшэн. — Когда мы входили в таверну, ты зонт оставил.

— Э-э...

Лу Цзин запнулся. Они уже отошли на пол-улицы, возвращаться было как-то глупо. Главное, он смутно помнил, что хозяин таверны что-то кричал им вслед, но они тогда были так возмущены, что никто не обратил внимания.

— А! Давайте лучше бегом!

Неудивительно, что Чжоу Цзыянь, увидев приземлившуюся летающую лодку, так спешил принести им зонты.

Дождь в городе Жу был до чертей холодным.

— Ладно, ладно, — Цзо Юэшэн, смирившись, засучил рукава. — Бежим так бежим! Давайте так, кто последний, тот платит за выпивку! — не договорив, он сорвался с места.

— Ах ты, жирдяй, жулик! — выругался Лу Цзин и бросился за ним.

— И смиренный монах с вами.

Цю Бодэн не чувствовал холода. Он смотрел, как трое, петляя в толпе, убегают, и на его лице появилось недоумение. Прошло довольно много времени, и он уже собирался было последовать за ними, как кто-то схватил его за рукав.

Обернувшись, он увидел незнакомого ребёнка.

— Бабушка Ху просила передать это вам.

Резиденция, самая дальняя от Ведомства городских оракулов, отвечающая требованиям старейшины Тао.

— Это... песок с чешуи алых рыб жу? Дарованная красная?

Цю Бодэн при свете свечи внимательно рассматривал фарфоровую чашечку. Маленькая чашечка, открыв её, он увидел внутри киноварную пасту, яркую и насыщенную.

— Зачем мне эта штука?

— Чтобы нанести чешую жизни.

Маленькая деревянная кукла, до этого тихо лежавшая у него в рукаве, вдруг упала на пол, вытянулась и превратилась в фигуру взрослого мужчины — в тусклом свете комнаты появился Ши Уло.

Ши Уло слегка наклонился и, коснувшись руки Цю Бодэна, взял фарфоровую чашечку.

Он и так был бледен, словно призрак, а его воплощение, созданное с помощью колдовства, и вовсе было лишено жизненной силы. Пальцы его были холодны, как лёд. Цю Бодэн вздрогнул от холода и хотел было отдёргнуть руку, но краем глаза что-то заметил и замер.

Воплощение этого человека стало гораздо более прозрачным, чем два дня назад.

— Ты ранен?

<http://bllate.org/book/16967/1587953>